

Он сделал себе имя в искусстве, перевоплотившись в Мэрилин Монро, а потом красавицу «убил»

Владислав Мамышев в роли Брижит Бардо

Из всех «актуальных» художников (это те, которые не рисуют, а творят более «современными» способами) отечественной сцены Владислав Мамышев-Монро-Королевич (Владислав Мамышев) — фигура самая обаятельная. Он умеет то, что недоступно большинству его сотоварищей: он самозабвенно, талантливо и всерьез — играет. Его работы — это главным образом перевоплощения (с последующей фотодокументацией) в персонажи мировой истории: Наполеона и Будды, Гитлера и Христа, Любви Орловой и Усамы бен Ладена. Его главная героиня, создательница его славы, которой он обязан своим псевдонимом, — Мэрилин Монро, в облике которой Владислав впервые явился публике. Славен также своим скандальным поведением (впрочем, это уже в прошлом: женился). До сих пор считается «питерским художником», хотя довольно давно живет в Москве — рядом с Лубянской. Его кабинет выдержан в красных тонах.

Дарья АКИМОВА

— Ух ты, какой у вас шкаф стоит! Это что, картотека?
 — Нравится? Это в Федеральном архиве периодически списывают старую мебель — покупают ужасные пластиковые шкафы, а старые, начала прошлого века, из темного дерева, выбрасывают. А мы их подбираем. Такая казенная штука — но ведь красивая, да? Я даже не стал надписи на ящиках уничтожать. Посмотри, это же все фамилии каких-то жителей России...
 — Скажите, а кто из коллег вам нравится?
 — Мне, честно говоря, никто из сегодняшних художников не нравится. Вот учителям моим мне соответствовать хочется. Они были очень мощные «сопореалистические» люди, так что я рисовать умею. Когда у меня в музее Петропавловской крепости была совместная с Аникушиным* выставка (последняя в его жизни), он меня сравнил с Кукрыниксами: дескать, подхватываю эсрету. Литературы это тоже касается: Ветеринарин Каверин у меня в школе преподавал. Я учился в единственной у нас в Союзе литературной школе — ну как бывают математические, художественные, музыкальные... Мы математику и физику имели право послать на три ласковые буквы.
 — И что, сейчас тоже рисуете?
 — Сейчас, увы, времени не хватает и условий нет: я женился, мастерской у меня нет. Чтобы рисовать, нужно отрешаться. Домашнюю жизнь и рисование совместить нельзя.

В армии мой художественный талант использовали для наглядной агитации. Это была такая чудовищная лубочно-примитивистская халтура: «Боец на защите родины», «Хлеб — всему голова» и прочее. Я этим «бойцам» маслом рисовал лица Мэрилин Монро. Когда вернулся из армии, понял, что эти большие, метра на два, масляные «залепухи» надо продолжить как-то. И стал рисовать Мэрилин. Придумал ей «биографию»: как если бы она жила в России. А поскольку подошла перестройка, моя Монро стала одним из ее символов. Моя Монро превратилась в абсолютно пиаровскую фигуру, и я ее возненавидел страшно. К тому же ее жертвенная несчастная жизнь стала в мою жизнь чудовищно вклиниваться. Мне каждый день приходилось в Монро переодеваться — тусоваться, на телевидении выступать, открывать выставки — словом, такая была бесплатная работа. Кончилось все тем, что моя Монро влюбилась в какого-то ужасного бандита. В итоге он у нее (у меня) попросил денег. Я продал свою квартиру, отдал ему деньги, остался прак-

* Михаил Аникушин — известный скульптор, автор петербургского «Ирического» памятника Пушкину

** Лучизм — художественное направление, изобретенное Михаилом Ларионовым в 1913 году; формы на картине образуются при помощи лучей-стрел («Петух», ПТ)

*** Лиза Березовская — любимая дочь Б.А., авангардистка

**** Монро-Мамышев на части фотографии — обнажена

НЕКОТОРЫЕ ЛЮБЯТ ПОГОРЯЧЕЕ

экспериментировал со всякими образами. Много пил. Это если не говорить об остальных издевательствах над своим здоровьем.

— А кстати, вы правда сожгли квартиру Лизы Березовской? Говорят, она вам доверила ключи от своих роскошных апартаментов, а вы их спалили, бросив где-то случайно сигарету****?

— Да нет! Это была просто блестящая утка. Мы с Лизой Березовской вообще первопроходцы черного пиара в России. В нашу историю вся пресса охотно поверила. Это был огромный светский скандал на совершенно пустом месте, который накормил огромное количество журналистов и нам тоже принес дивиденды. А что делать! Пиар теперь у нас главная идеология. «Капитал» отдыхает.

Между прочим, многое из того, что со мной случается, бывает предсказательного характера. Помните «чеченских вдов» на «Норд-Осте»? Их образ просто поражал своей законченностью — начиная от «названия» и заканчивая сумкой со взрывчат-

«Владик Монро»), я решил, что солидный Королевич (тоже Влад) мне подойдет.

— Вы полагаете, ваша слава скандального и эпатажного художника осталась в прошлом?

— Я никогда скандальности специально не добивался. То, что мое переодевание в Мэрилин Монро стало скандалом, для меня убийственная пощечина. Я думал, что если я покажу людям свою Монро — все просто обрадуются. Никакого сексуального подтекста**** я в эту работу не вносил. И когда я вдруг увидел репортажи Невзорова в «600 секундах», который меня клеймил всячески и призывал людей, если они меня на улице увидят, камнями бить — обиделся ужасно. Вот с недавней выставкой «Секретные материалы» (это портреты членов последнего политбюро, каждому из которых я придумал женский облик и на официальных фотографиях этот облик дорисовал) у меня были связаны куда большие опасения: знаете, старушки, крики «как посмел на святое...» Но нет! Благодарил «за проникновение в характер». Какой-то конструктор со звездой Героя Советского Союза подошел: он дружил с членами этого политбюро. Оказывается, прическа, макияж и сережки, которые я пририсовал Долгих, были точь-в-точь, как у его жены. Отношения министра обороны Соколова и Рыжкова были в переносном смысле слова садомазохистскими (а они у меня висят рядом: лицу Соколова я придал выражение как у садистки-«госпожи», а Рыжкову нарисовал кожаную маску мазохиста). Маршал Соколов совмещал свою должность с должностью министра по чрезвычайным ситуациям, и когда в Армению во время землетрясения послали Рыжкова, а не его, у них возник конфликт.

— Вы не можете пожаловаться на то, что вас обижают, что вы невостребованы?

— Это большой вопрос. Меня не обижают только теперь, когда я нахожусь под покровительством своей семейной жизни. Это такой стеклянный коллапс, который меня от всего отгораживает. А ведь был момент, когда меня уже почти похоронили! Мое воскрешение было полной неожиданностью. Меня планомерно спаивали, и работы мои должны были здорово подскокить в цене после моей смерти. Это было совсем не за горами: я работал над очередным проектом, но был уже абсолютным «хроником», был болен. Оказался я в какой-то коммуналке на Ленинском, в которой жили грузины — человек пять. Они надо мной издевались, у меня даже кровати своей не было. В итоге я просто сбежал оттуда, выйдя на лестницу вынести мусор. В тапочках, Гардероб, архив, негативы — все пропало. И то, что меня снова приняла Тания, моя жена, после многих лет нашего знакомства, то, что она в меня поверила, — это меня вернуло к жизни.

— И что, не захотелось уехать снова в Европу?

— Меня родина не отпускала долго. Когда в 1991 году приехал из Франции (где какое-то время жил) в Петербург навещать маму и друзей, случился путч, отменили мой старый синий дипломатический загранпаспорт, а новый не выдали. И не выдавали его одиннадцать лет: ФСБ имеет право не объяснять причин отказа. Наверное, кто-то за что-то мне отомстил. Я ведь плаваю по разным социальным слоям. У меня в друзьях есть и бомжи, и принцы. Может быть, я о ком-то злобно высказался, не знаю... Тяжело быть сатириком в России!

Владислав Мамышев — в роли Любви Орловой

тически нищим. И к 93-му году настрадавшись от жертвенности Мэрилин так, что просто ее «убил» на выставке «Несчастливая любовь» и сбежал в Москву.

— Вас очень долго представляли как «художника девяностых». Девяностые кончились. Не чувствуете, что — «все в прошлом»?

— Ой, нет! Я себя прекрасно ощущаю.

Мне вообще почему-то кажется, что лучше художника сейчас нету. Просто неохота это всем подряд доказывать. Я сейчас придумал дизайнерскую «историю» — занимаюсь тихим мирным занятием: одеваю животных в кружева (на фотографиях всяких африканских зверей процарапываю такие вот ажурные «паутинки»). Эти «расцарапки» корнями вообще-то уходят в пробела (высветленные участки) на русских иконах. Иногда у Ларионова с его лучизмом** что-то похожее мелькает.

— Я вот слушаю вас и думаю: зачем было врать про то, что «я очень необразован, глуп, ужасен. Я абсолютно невосприимчив к искусству. Я — жертва поп-культуры».

— Ой, ну это давно было. Я тогда много

кой! Так вот, летом меня позвали на вечеринку «100 самых красивых людей Москвы». Я надел черное платье, черную иранскую чадру, на пояс повесил такую золотистую сумочку, расшитую шариками, в руке у меня был пластмассовый пистолет. И меня объявили: «Владик Монро в образе чеченской вдовы».

Еще был случай ясновидческий. Однажды я на Невском проспекте встретил Сергея Курехина, который был заядлым букинистом и по всем антикварным салонам скупал книги. Он тащил очередную партию литературы. «Вот, смотри, что я купил», — сказал он и показывает мне том двадцатых годов: автор — Влад Королевич. Я открыл первую попавшуюся страницу — а там в заголовке написано научное название рака сердца (речейшее заблуждение, за сто лет было всего четыре, кажется, случая в России), от которого буквально через три месяца умер Курехин. Ну вот. И я подумал, что Влад Королевич — имя предсказательное. А поскольку мне тогда надо было срочно взрослеть (ну что я все «Владик Монро» да

Мамышев Владислав 17.12.02